Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
ф121-41
ф79468-40

ПОЛОЖЕНІЕ И ЗАДАЧА РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

I.

Передъ нами зима, и всякій чувствуетъ, что эти пять мѣсяцевъ будутъ критическою эпохою для царства Польскаго и отношеній къ нему Россіи. Пять мѣсяцевъ даны намъ на то, чтобы утвердить за собою царство Польское дѣйствительною силою, или оставить его возлѣ себя непокорнымъ узникомъ, котораго на будущій годъ придетъ отдирать отъ насъ Западная Европа, хотя бы послѣ борьбы за него остался въ рукахъ побѣдителя трупъ, а не живая нація.

Тяжелая судьба историческая поставила другъ подлѣ друга въ Славянскомъ мірѣ и связала неотвратимымъ антагонизмомъ два племени, діаметрально противоположныхъ общественнымъ строемъ, началами вѣры и просвѣщенія, направленіемъ мысли и ходомъ развитія. Одно меньше и слабѣе и вся его сила въ высшихъ классахъ; это народъ аристократическій, полный сознанія своего превосходства, честолюбивый и властолюбивый, завоевательный въ душѣ. Другой народъ огромный и сильный, силенъ особенно низшими своими слоями, народъ смирный и даже черезъ-чуръ смирен-

ный, народъ плебейскій по преимуществу, не только не стремящійся къ захвату чужаго, но скорѣе готовый поступиться своимъ достояніемъ. По характеру, это народъ далеко не властолюбивый и вовсе не завоевательный, но тотъ естественный законъ, по которому большая масса притягиваетъ къ себѣ мелкія единицы, повелъ русскій народъ къ расширенію своихъ предѣловъ и подчинилъ его власти многія племена. Ровно два вѣка протекло съ того времени, какъ Польша, въ апогеѣ своего завоевательнаго и аристократическаго духа, высылала экспедицію для покоренія Московскаго государства, громаднѣйшую *частную* (*) экспедицію завоевателей, какая когда-либо снаряжалась,—и эта самая Польша поступила подъ русскую власть, съ которой не можетъ сжиться вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ. И никогда, быть можетъ, антагонизмъ ихъ не ощущался болѣзненнѣе, чѣмъ теперь. Мечта о примиреніи, дѣлающая честь русскому благодушію, но не русской прозорливости (особенно въ такое время, когда предстоявшее освобожденіе крестьянъ грозило полязамъ паденіемъ ихъ господства надъ Западной Россіей и когда должно было ожидать отъ нихъ не взаимной уступчивости, а удвоенныхъ усилій, чтобы предоврати-тить это паденіе), мечта о примиреніи дала, какъ всѣмъ извѣстно, организоваться огромному, едва-ли не безпримѣрному въ исторіи заговору; а затѣмъ, намъ приходится теперь, безпощадною строгостію военной диктатуры, возстановлять нашу власть, которую мы выпустили было изъ рукъ, благодаря оплошности однихъ, предательству другихъ, ложному взгляду третьихъ. Никто не сомнѣвался, что такая реакція должна была наступить, что Россія, если не хотѣла отказаться отъ своего значенія, какъ государства,

(*) Извѣстно, что попытка поляковъ завоевать Московское государство, въ началѣ XVII столѣтія, была первоначально частнымъ предпріятіемъ нѣкоторыхъ магнатовъ и шляхты, и что Польша, какъ государство, была лишь мало по-малу втянута въ это дѣло.

если не хотѣла погубить себя въ глазахъ собственнаго народа и остальныхъ державъ, не могла снести такого посрамленія, чтобы у нея отняли, не столько силою, сколько ловкостью, цѣлую страну. Никто не сомнѣвался, что военная диктатура сдѣлается, на время единственнымъ возможнымъ порядкомъ вещей въ Польшѣ. И военная диктатура тамъ водворена; она дѣлаетъ свое дѣло; враждебная намъ организація уже потрясена и прорвана не въ одномъ мѣстѣ, и можно ожидать, что при нѣкоторомъ благоразуміи и послѣдовательности нашихъ дѣйствій, она скоро рушится окончательно, можно надѣятсся, что скоро мятежъ утихнетъ совсѣмъ, и въ Польшѣ скоро не будетъ опять никакой другой власти, кромѣ русской. Но что представляло и чѣмъ представится опять царство Польское подъ русскою властью? Прежде всего, мы тутъ видимъ народъ малый и слабый, подчиненный большому и сильному: зрѣлище не новое и не единственное въ человѣчествѣ, фактъ столь обыкновенный во всѣхъ почти государствахъ нашей образованной Европы (не говоря уже о другихъ странахъ свѣта), что наблюдатель будетъ скорбѣть о немъ, но скажетъ, что это такъ бываетъ въ родѣ человѣческомъ. Однако всмотримся въ дѣло глубже, и мы увидимъ, что тутъ не все такъ обыкновенно, не все такъ въ порядкѣ вещей. Малый и слабый народъ подвластенъ большому и сильному. Но этотъ малый и слабый народъ заключаетъ въ себѣ непомѣрно многочисленный высшій классъ, съ аристократическимъ духомъ, съ притязаніями на званіе и права людей «благородныхъ» и образованныхъ,—и ему приходится повиноваться Россіи, стоящей предъ полякомъ не иначе, какъ въ образѣ мужика и солдата. Покоренный имѣетъ о себѣ, о своемъ народѣ, такое безконечно высокое мнѣніе, что пожалуй онъ въ этомъ не уступитъ и французу, а надъ нимъ поставленъ, въ качествѣ повелителя, человѣкъ, всякій день и при всякомъ случаѣ готовый при-

знать, что онъ невѣжа и дикарь, что онъ былъ бы крайне благодаренъ даже за послѣднее мѣстечко въ образованной компаніи европейскихъ народовъ. Словомъ, аристократъ и завоеватель въ душѣ, попалъ подъ власть смирнаго и равнодушнаго къ своему завоеванію плебея, и того именно плебея, котораго этотъ злосчастный аристократъ считалъ себя нѣкогда призваннымъ взять подъ свое начало и оболванить по своему.—Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, главная причина трудности и ненормальности нашего положенія въ Польшѣ, а не въ простомъ матеріальномъ фактѣ владычества надъ чужимъ народомъ. Пруссія и Австрія владѣютъ преспокойно не малыми частями польской земли, и никто не находитъ этого неестественнымъ; даже поляки сами несравненно хладнокровнѣе относятся къ несправедливости прусскаго и австрійскаго владычества надъ ними, нежели русскаго, не смотря на то, что положеніе ихъ народности, какъ извѣстно, во сто разъ хуже въ Познани и Галиціи, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ. Дѣло въ томъ, что нѣмецъ въ глазахъ поляка далеко не то, что москаль; это такой же *господинъ*, какъ полякъ, а не плебей, господинъ другой породы, а не младшій, недавно казавшійся безталаннымъ и ничтожнымъ, братъ въ родной семьѣ. Такъ и въ частной жизни: самолюбивый человѣкъ охотнѣе подчинится чужому, въ которомъ видитъ признаки власти, чѣмъ тому изъ братьевъ, котораго привыкъ считать за несовершеннолѣтняго и малоумнаго и которымъ въ былое время распоряжался.

Не стану разбирать здѣсь происхожденіе этихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что говорилъ уже объ этомъ въ другой статьѣ; не буду также разсуждать о томъ, какимъ образомъ, въ будущемъ болѣе или менѣе отдаленномъ, можетъ изгладиться эта презрительная вражда поляковъ къ русскимъ, когда Россія, внутреннимъ самобытнымъ развитіемъ своимъ, представитъ нравственное, такъ сказать, оправданіе своего

владычества, теперь являющагося полякамъ лишь случайнымъ перевѣсомъ матеріальной силы. Оставляю въ сторонѣ всѣ эти отвлеченные вопросы и говорю только о голомъ фактѣ современной жизни, а существованія этого факта не будетъ отрицать, я увѣренъ, ни одинъ безпристрастный наблюдатель, вникавшій въ отношенія поляковъ къ русскому владычеству въ царствѣ Польскомъ. Наше владычество несносно полякамъ въ царствѣ Польскомъ, и оно кажется имъ несноснымъ не потому главное, что они подчинены чужой власти: въ Познани и Галиціи поляки гораздо легче мирятся съ чужою властью, а тамъ присутствіе ея чувствуется несравненно сильнѣе, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ, тамъ вся администрація въ рукахъ нѣмецкихъ чиновниковъ, оффиціальный языкъ нѣмецкій и проч. Несносно полякамъ наше владычество и не потому такое, что мы иновѣрцы: надъ познанскими поляками властвуютъ протестанты и позволяютъ себѣ иногда такія дѣйствія, которыхъ, въ своей скромности, испугалась бы наша православная церковь. Также и не потому, чтобы мы тиранствовали и дѣйствовали варварами въ царствѣ Польскомъ, кажется наша власть несносною. Вѣдь, сколько бы ни кричали въ европейской печати про наше тиранство и варварство, въ сущности поляки очень хорошо знаютъ, что мы предобродушные и вовсе не жестокосердые, а скорѣе мягкосердечные до простоватости люди. Существенная, я долженъ повторить, причина, почему русское владычество кажется полякамъ невыносимымъ, та, что тутъ плебей властвуетъ надъ аристократомъ, что *панъ* или человѣкъ; считающій себя годнымъ быть паномъ, чувствуетъ себя подчиненнымъ народу мужиковъ и солдатъ; существенная причина та, что мы остались тѣмъ, чѣмъ были, по выраженію Хомякова, въ старину всѣ славянскія племена,—плебеями человѣчества, а поляки, пропитавшіеся духомъ западно-европейскаго аристократизма, должны теперь вступить въ подчиненное къ намъ отношеніе.

Что жъ тутъ дѣлать? Какъ быть съ Польшею? Съ одной стороны, главная причина, почему наша власть полякамъ столь тягостна, не такая, чтобы ее можно было устранить, и заключается въ самомъ характерѣ обоихъ народовъ: и не дай Богъ, чтобы *съ нашей стороны* терялся этотъ характеръ. Съ другой стороны, нельзя же не обращать вниманія на это постоянное, тайное или явное, противодѣйствіе поляковъ русскому владычеству. Въ настоящее время мы можемъ, конечно, успокоиться убѣжденіемъ въ необходимости диктатуры, и должны надѣяться, что эта успокоительная для нашего ума и немудреная система утишитъ самымъ простымъ способомъ царство Польское. Но въ мѣстѣ съ тѣмъ мы зададимъ себѣ вопросъ: «а потомъ что?» On s'appuie sur des baionnettes, on ne s'y asseoit pas, сказалъ кто-то изъ великихъ людей. И этотъ вопросъ: «потомъ что», кажется весьма серьезнымъ. Онъ не принадлежитъ къ теоретическимъ мечтаніямъ о будущемъ, а имѣетъ и прямой практическій смыслъ. Военная диктатура есть власть политическая, а не только полицейская. Вооружившись военною диктатурою, мы не станемъ только исправлять полицейскія обязанности въ царствѣ Польскомъ; мы не будемъ ограничивать всѣ наши заботы настоящимъ днемъ, чтобы нынче все было смирно и въ порядкѣ, ибо въ этомъ случаѣ мы были бы тамъ не болѣе, какъ полиціей. Мы стоимъ тамъ въ качествѣ политической власти, мы будемъ смотрѣть тамъ дальше настоящаго дня, мы и во время военной диктатуры поставимъ себѣ какую нибудь опредѣленную политическую цѣль, потому что диктатура не можетъ длиться долго, потому что передъ ней должно стоять неотступное: «а потомъ что?» Можемъ ли мы чѣмъ нибудь упрочить за собою царство Польское, или у насъ нѣтъ въ немъ другой будущности, какъ вѣчно держаться тамъ силою, или убираться изъ Польши?

II.

Если, въ самомъ дѣлѣ, намъ ничѣмъ нельзя упрочить за собою царство Польское, если намъ не остается другаго выбора, какъ *вѣчно держать Польшу силою или покинуть ее*, то, конечно, всякій русскій, любящій свое отечество, желалъ бы только видѣть приближеніе минуты, когда это послѣднее могло бы быть исполнено. Мы понимаемъ, что теперь, послѣ нападенія поляковъ на наши войска, послѣ угрозъ Европы, выступить изъ Польши было бы срамомъ, и объ этомъ рѣчи быть не можетъ въ настоящее время. Но мы стали бы ждать съ нетерпѣніемъ отъ будущаго, чтобы политическія обстоятельства сложились благопріятнымъ образомъ и чтобы мы могли, непринужденно и съ честью, оставить страну, которая насъ не терпитъ и увѣряетъ, что никогда непримирится съ нашею властію. Гораздо лучше пожертвовать областью, которая Россіи не приноситъ никакой выгоды, чѣмъ имѣть постоянно домашняго непріятеля и слыть въ цѣломъ мірѣ тиранами. Насильственное обладаніе Польшею, я писалъ въ другой статьѣ, ставитъ Россію въ тягостное внутреннее противорѣчіе съ самой собою, съ ея характеромъ славянской державы, съ ея призваніемъ представительницы и заступницы славянскаго племени. Съ какимъ же восхищеніемъ мы привѣтствовали бы свое избавленіе отъ этого гибельнаго противорѣчія, съ какимъ удовольствіемъ стряхнули бы съ себя бремя насильственнаго владычества надъ польской землею. Съ какой справедливою гордостью мы глянули бы въ глаза всѣмъ нашимъ клеветникамъ въ Европѣ, какъ мы почувствовали бы себя свободнѣе въ нашей политикѣ!

И не только въ смыслѣ политическомъ, мысль эта, покуда ее разсматриваешь теоретически, оказывается самымъ лучшимъ для Россіи выходомъ изъ безчисленныхъ затрудненій, поставляемыхъ ей царствомъ Польскимъ. За мысль эту говоритъ и высшая справедливость, недопускающая,

чтобы одинъ народъ налагалъ цѣпи на другой. На почвѣ безусловной правды казалось бы несомнѣннымъ, что должно при первой возможности возвратить царству Польскому его самостоятельность.

Но бѣда въ томъ, что противъ требованій безусловной теоретической правды вооружаются двѣ силы, передъ которыми всегда уступитъ то, что мы считаемъ безусловною правдою: сила политическихъ условій и сила историческаго развитія. Политическія условія, это сфера, въ которой властвуетъ *князь міра сего*; здѣсь нѣтъ мѣста идеалу безусловной правды. Какъ только зайдетъ рѣчь о практическомъ исполненіи благороднаго помысла, исполненіе это тотчасъ улетаетъ отъ насъ въ такую даль будущаго, что благородный помыслъ обращается въ ничто. А въ свою очередь, передъ нами является неумолимый, логическій законъ историческаго развитія, равнодушный къ стонамъ и проклятіямъ живыхъ людей, потому что ему надобно вымещать на отдаленномъ потомствѣ грѣхи или ошибки давно минувшихъ поколѣній.

Прежде всего, поставимъ вопросъ о русскомъ владычествѣ въ царствѣ Польскомъ на почву политическихъ условій. Въ этомъ отношеніи мы наткнемся на обстоятельство самаго неидеальнаго свойства, но котораго нельзя обойти безъ вниманія. Русская власть пустила корни въ царствѣ Польскомъ, корни, правда, самые грубые, совершенно вещественные, но которыхъ намъ не легко бы было вырвать. У насъ тамъ первостепенныя крѣпости. Какъ быть съ Новогеоргіевскомъ, съ Ивангородомъ, съ Замосцемъ? Употребить громадныя усилія, чтобы взорвать на воздухъ или срыть до основанія работы, стоившія Россіи не одну сотню милліоновъ? Или передать въ чужія руки укрѣпленія, которыя, въ случаѣ какой нибудь войны въ средней Европѣ, сдѣлались бы для насъ преградою, быть можетъ неодолимою, или, по крайней мѣрѣ, достаточною, чтобы задержать наши

войска на цѣлую кампанію? Не мнѣ, конечно, разсуждать о спеціальномъ военномъ дѣлѣ, но простой здравый смыслъ указываетъ, что пока европейскимъ народамъ нужно будетъ брать въ разсчетъ возможность войны и принимать мѣры для своего огражденія, Россіи придется держать царство Польское для своей собственной безопасности въ военномъ отношеніи.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о крѣпостяхъ. Англія рѣшилась же отдать грекамъ Іоническіе острова, жертвуя великолѣпною крѣпостью Корфу. За то политическія условія были въ пользу отдачи Іоническихъ острововъ грекамъ и не только уравновѣшивали, но вознаграждали съ лихвою ущербъ по военной части. Уступка Іоническихъ острововъ не угрожаетъ Англіи ни малѣйшею опасностью, а въ то же время дастъ ей огромное вліяніе на Грецію: собственно, Англія не отдастъ Іоническихъ острововъ, а посредствомъ Іоническихъ острововъ притягиваетъ къ себѣ Грецію. Политическія условія царства Польскаго прямо противоположны всему этому. Поляки властолюбивы и притязательны, по самому понятію, которое они имѣютъ о себѣ, какъ представителяхъ высшей цивилизаціи и единоспасающей религіи, и по тому самому, ихъ властолюбіе и ихъ притязанія обращены не на западъ Европы, откуда они заимствовали эту цивилизацію и эту религію, а на русскій востокъ: ибо тамъ они видятъ мужицкое варварство и схизму и тамъ считаютъ себя призванными распространять господство своей цивилизаціи и своей единоспасающей церкви. Выпустить царство Польское изъ нашихъ рукъ, значило бы открыть себя немедленному и непремѣнному вторженію всего, что въ царствѣ Польскомъ способно носить оружіе; и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первымъ дѣломъ самостоятельной Польши было бы избрать въ Европѣ такихъ союзниковъ, призвать къ себѣ такого государя (какого нибудь Наполеонида, если будетъ еще имѣться такой,

или тому подобную личность), съ которыми можно было бы удобнѣйшимъ образомъ напасть на Россію. Конечно, обладаніе царствомъ Польскимъ требуетъ отъ насъ много войска и стоитъ намъ большихъ денегъ. Но не понадобится ли еще больше войска и еще большихъ денегъ, какъ скоро мы выйдемъ изъ царства Польскаго? Намъ придется во всемъ нашемъ западномъ краѣ стоять постоянно на сторожѣ, ждать ежечасно непріятельскаго вторженія. Настоящія событія даютъ намъ чувствовать, какъ тягостно и обременительно для страны быть въ пассивномъ ожиданіи нападенія, не имѣя возможности предупредить удара. И въ этомъ-то положеніи, въ которое мы теперь *временно* поставлены напряженными отношеніями къ западнымъ державамъ, Россія находилась бы *постоянно*, имѣя подъ бокомъ независимую Польшу съ польскою арміею,—пока, я долженъ повторить, какъ говорилъ въ недавней своей статьѣ, не прекратятся притязанія поляковъ владѣть западною частью русской земли.

Такимъ образомъ, мысль освободить царство Польское отъ Россіи, мысль столь благородная, столь привлекательная, мысль неопровержимая въ теоріи,—разбивается о дѣйствительность, какъ только мы ее поставимъ въ видѣ современнаго политическаго вопроса для Россіи. Нельзя же чтобы Россія, въ увлеченіи благороднымъ безкорыстіемъ, думала о возможности избавить Польшу отъ ненавистной для нея, русской власти, не давъ себѣ предварительно отчета о томъ, что изъ этого можетъ или должно выйти. Не только въ настоящее, самое тягостное для насъ время, возбужденныхъ противъ насъ польскихъ страстей, мы не можемъ оставить царство Польское уже изъ-за того, чтобы не показаться трусами, не уронить себя предъ цѣлымъ свѣтомъ; не только теперь, когда на насъ нападаютъ и намъ грозятъ, мы должны держать царство Польское и говорить: «приходите, отнимите, если можете»; нѣтъ, но и въ будущемъ, мы могли бы рѣшиться на такой шагъ развѣ тогда

когда знали бы, что въ средней Европѣ не будетъ больше войны и что поляки, отказавшись отъ своихъ вѣковыхъ притязаній, не придутъ отвоевывать у насъ Литву и Украйну: условія, которыя отдаляютъ исполненіе мысли нашей въ такіе вѣка, которые, по греческому выраженію, «еще покоятся въ лонѣ боговъ».

Или, чтобы скорѣе настало то счастливое время, когда намъ можно будетъ избавиться отъ царства Польскаго и избавить его отъ насъ, не положитъ ли разомъ конецъ польскимъ притязаніямъ на западную Русь—изгнаніемъ оттуда всѣхъ поляковъ въ царство? Послѣ этого, конечно, не было бы для насъ опасности нашествія изъ царства Польскаго, потому что не стало бы для такого нашествія никакихъ надеждъ на опору въ краѣ и на успѣхъ. Исторія представляетъ намъ подобный случай. Аналогія полнѣйшая. Испанія возвратила себѣ области, составляющія ея природную часть, но которыя долго принадлежали враждебному ей, иновѣрному племени, нѣкогда стремившемуся завоевать ее всю. Тамъ, въ этихъ новоприобрѣтенныхъ Испаніею областяхъ, по близости своей старой родины, чужое, иновѣрное племя водворилось большими массами и составляло, такъ сказать, *интеллигенцію* края. Не снесла этого ненормальнаго положенія нетерпѣливая Испанія, не хотѣла употребить нравственныя силы, силы своего духа, чтобы превозмочь враждебное ей настроеніе мавровъ, быть можетъ мечтавшихъ о возстановленіи прежняго своего владычества надъ Севильей и Гренадой, быть можетъ сносившихся съ своими родичами въ Мавританіи. Она просто взяла и выгнала ихъ всѣхъ, сотнями тысячъ, въ Африку. Съ этого событія историки привыкли считать паденіе Испаніи, и, кажется, не напрасно. Не въ томъ дѣло, что страна потеряла въ маврахъ большое количество рабочихъ и умственныхъ силъ; главное дѣло въ томъ, что это было признаніемъ внутренней несостоятельности испанскаго духа, со-

знаніемъ его въ безсиліи одолѣть враждебное настроеніе и чуждыя стихіи пришельцевъ, очутившихся гражданами кастильскаго государства. Захотимъ ли мы подражать печальному примѣру Испаніи?

Узелъ между Россіей и Польшей сплетенъ такъ тѣсно исторіей, что его не разрубишь. Это борьба двухъ противоположныхъ началъ въ одномъ мірѣ; тутъ не скажешь той и другой сторонѣ: «ступай себѣ домой и сиди смирно, меня не трогай; а я тебя трогать не буду». По крайней мѣрѣ, одна сторона на это не согласится, да и не могла бы исполнить обѣщаніе, даже если бы согласилась. Говорятъ часто, — и эти слова будутъ приведены мною ниже вторично изъ устъ поляка, — говорятъ часто, что поляки ничего не забыли и ничему не выучились. Это правда, хотя причина тому не въ природномъ характерѣ польской націи, а въ тѣхъ идеяхъ и обстоятельствахъ, среди которыхъ воспитывается польскій характеръ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но такія идеи и обстоятельства не скоро теряютъ свою силу. Не скоро убѣдятся поляки, что ихъ предназначенная отчизна—малая земля польскаго народа, а не тотъ обширный край, гдѣ они могутъ господствовать во имя своего аристократическаго превосходства и преимущества своего образованія. Они, люди цивилизованные, носители западно-европейскаго и католическаго знамени, не скоро убѣдятся въ несостоятельности своего призванія въ славянскомъ мірѣ. Они вѣрятъ себѣ, они вѣратъ въ свое знамя, а неудачи и бѣдствія не убиваютъ вѣры. Ихъ вѣра возвышаетъ ихъ до мечтаній, гдѣ теряется всякое чувство человѣческой дѣйствительности, и низводитъ ихъ до правилъ, въ которыхъ теряется всякое чувство человѣческой нравственности. Въ ихъ средѣ не только религія, какъ замѣчаютъ неоднократно, обратилась въ средство политическое, но, что еще важнѣе, политическая идея обратилась

въ религію. Прочитаемъ слѣдующія строки: «И умучили народъ польскій, и положили во гробъ; и короли вскричали: мы убили и похоронили свободу. Вскричали же они неразумно: ибо, совершая послѣднее убійство, они исполнили мѣру своихъ беззаконій, и кончилась ихъ сила въ то время, когда они наиболѣе ликовали. Ибо народъ польскій не умеръ: тѣло его лежитъ во гробѣ, а душа его сошла съ земли, то есть изъ общественной жизни, въ бездну, то есть въ домашнюю жизнь племенъ, терпящихъ неволю въ краѣ и за границей, дабы видѣть ихъ страданіе. А въ третій день душа вернется въ тѣло, и народъ польскій воскреснетъ и освободитъ всѣ племена Европы изъ неволи. И прошли уже два дня; одинъ день зашелъ съ первымъ взятіемъ Варшавы, а другой день зашелъ со вторымъ взятіемъ Варшавы; а третій день взойдетъ, но не зайдетъ. И какъ по воскресеніи Христа престали на цѣлой землѣ кровавыя жертвоприношенія, такъ съ воскресеніемъ парода польскаго престанутъ въ христіанствѣ войны». Есть цѣлая такая книга, изъ которой это лишь малый отрывокъ. Это ни болѣе ни менѣе, какъ цѣлое дополнительное Евангельс, по Евангелье, которое учитъ не вѣрѣ въ Бога, а вѣрѣ въ будущность Польши, не нравственной правдѣ, а тому, какъ вести себя польскимъ «пиллигримамъ», разсѣяннымъ «среди чуземцевъ какъ апостолы среди язычниковъ» (Księgi Narodu Polskiego i Pilgrzymstwa Polskiego, гл. XVIII). И эту книгу писалъ не какой нибудь безвѣстный чудакъ, а величайшій геній Польши, Мицкевичъ; и писалъ онъ ее не тогда, когда его умъ былъ на закатѣ, а въ 1833 году, въ пору всей силы его таланта, въ ту самую пору, когда онъ съ такою изумительною вѣрностью живописалъ всѣ стороны польскаго шляхетства въ великолѣпной эпопеѣ о панѣ Тадеушѣ. Такое явленіе, какъ эта «книга польскаго народа и польскаго пиллигримства» переноситъ насъ въ совершенно непонятный для насъ, живущихъ на землѣ, заоблачный міръ, гдѣ

политическая мечта получаетъ силу и власть религіи (*). Теперь, присоедините къ этому другой полюсъ того же явленія—религію, обращаемую въ политическое орудіе, уроки

(*) Зная Мицкевича, какъ поэта, мы вообще слишкомъ мало обращаемъ вниманіе на него, какъ на мыслителя. Между тѣмъ, онъ является полнымъ представителемъ и провозвѣстникомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя движутъ поляками и воплощаются въ ихъ дѣйствіяхъ. Приведу одинъ характеристическій примѣръ. Въ статьѣ по поводу засѣданія общества русскихъ земель» для празднованія годовщины бывшаго въ 1831 году возстанія въ Литвѣ, Волыни, Подоліи и Украинѣ, статьѣ, написанной 5 апрѣля 1833 г., подъ заглавіемъ «О конституціи повстанцевъ»,—Мицкевичъ опровергаетъ мысль, появляющуюся въ польской эмиграціи, опредѣлить заранѣе ту форму правленія, ту конституцію, которую должна получить Польша, освобожденная отъ русской власти. Вся конституція польскихъ повстанцевъ должна состоять, по словамъ Мицкевича, въ слѣдующихъ немногихъ статьяхъ которыя я переношу изъ его статьи буквально: «Ст. 1. Москаля, служащаго Николаю, убивать, ловить, преслѣдовать какъ можно дальше. Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ нѣтъ никакихъ условій, договоровъ, конвенцій, перемирій, сношеній и т. п. Ст. 3. Каждаго *шпега* (шпіона), каждаго русскаго чиновника, угнетавшаго поляковъ, каждаго поляка, уличеннаго въ томъ, что онъ сторонникъ Россіи, ловить судить, казнить. Ст. 4. Революціонная власть принадлежитъ тому—кто ее возьметъ. Она болѣе или менѣе обширна, смотря по многочисленности отдѣла, ей подчиненнаго, талантамъ и счастію вождя. Власть эта остается до тѣхъ поръ, пока ей повинуются. Ст. 5. Власть водворившись въ городѣ или мѣстечкѣ, становится законодательною; схвативъ преступника, превращается въ судебную; а если состоитъ изъ малаго числа повстанцевъ, сама выполняетъ свои приговоры. Ст. 6. Подачи собираются изъ добровольныхъ приношеній. Кромѣ того, власть забираетъ все, что нужно во время войны». (Полн. собр. сочин. Мицкевича, парижск. изд. 1860 года, т. VI, стр. 159). Стоитъ, вмѣсто имени Императора Николая, поставить имя Императора Александра, вмѣсто 1833 года поставить 1863 годъ, и въ этой, начертанной Мицкевичемъ «конституціи повстанцевъ», мы будемъ имѣть во всей точности кодексъ современнаго польскаго возстанія.

іезуитской теоріи о добрѣ и злѣ, о нравственномъ долгѣ (*); всѣ эти уроки съ такою полнотою объясняются нынѣшнимъ ихъ примѣненіемъ на практикѣ, что я могу избавить читателя отъ печальнаго ихъ исчисленія. Сложите же всѣ эти стихіи: преданіе о господствѣ надъ русскими землями во имя аристократическаго принципа; чувство цивилизованнаго европейца въ противоположность сосѣднему варварству русскаго, чувство исповѣдника религіи, «внѣ которой нѣтъ спасенія, въ противоположность сосѣдней схизмѣ; патріотическую страсть, возведенную до высоты вѣры не признающей уже условій дѣйствительнаго міра и, въ то же время, отравленной понятіями, отрицающими за коны міра нравственнаго, — сложите въ одно всѣ эти стихіи, которыя мы добыли анализомъ, но которыя про-

(*) Можно бы было, опять-таки у Мицкевича, всеобъемлющаго представителя польскихъ идей, найти выраженіе этой наиболѣе грустной стороны современнаго полонизма. Вспомнимъ характеристическую сцену въ «панѣ Тадеушѣ» (книга X-я), когда послѣ побѣды, одержанной шляхтою надъ москалями, панъ-судья спрашиваетъ у своего ключника про участь маіора (полака, состоявшаго на русской службѣ), который попался въ плѣнъ въ этомъ дѣлѣ и отдалъ былъ на попеченіе ключнику. «Ключникъ оглянулся кругомъ, погладилъ лысину, махнулъ небрежно рукою, какъ бы давая знать, что онъ все устроилъ»..... «Requiscat in «расе» (вѣчный покой), сказалъ подкоморій. «Видно, былъ въ этомъ перстъ Божій, прибавилъ судья: но я въ этой крови невиненъ, я ничего не зналъ о томъ». Тутъ ксендзъ (бернардинскій монахъ, заправлявшій цѣлымъ возстаніемъ раненый въ этой стычкѣ съ русскими и умирающій),—«ксендзъ привсталъ съ подушекъ и сидѣлъ насупившись; наконецъ сказалъ, взглянувъ быстро на ключника. «Великій грѣхъ убить безоружнаго плѣнника! Христосъ запрещаетъ мстить даже врагу! Ой ключникъ, ты дашь тяжкій отвѣтъ предъ Богомъ. Есть одна *рескрикція* (одно ограниченье); если это здѣлано не изъ глупаго чувства мести, а pro publico bono (т. е. для общаго облага)». Ключникъ кивалъ головою и вытянутой рукой, и моргая повторялъ: «pro publico bono»!

никаютъ другъ друга въ политической жизни поляковъ и обусловливаютъ ея характеръ; сложите всѣ эти стихіи и подумайте: способна ли такая среда въ какой бы то ни было мирной политической сдѣлкѣ съ Россіей? Никакія уступки полякамъ тутъ ничего не сдѣлаютъ. Примѣръ передъ глазами. Мало ли было имъ уступлено въ теченіе 1861 и 1862 годовъ? Быстрота съ какою эти уступки слѣдовали одна за другою, не доказывали ли, что Россія вовсе не имѣла желанія торговаться съ поляками, что она охотно дала бы имъ все возможное? И не было ли притомъ видно, что за этими уступками должны были слѣдовать еще другія? Какимъ же образомъ поляки не захотѣли по крайней мѣрѣ дождаться конца всѣхъ этихъ уступокъ, посмотрѣть на ихъ практическіе результаты, и затѣмъ, пожалуй, если бы онѣ показались недостаточными и неудовлетворимыми, схватиться за оружіе? Неужели мы въ правѣ оскорбить польскую націю, объясняя себѣ этотъ, по видимому столь противный здравому разсудку, образъ дѣйствія, какой-то врожденной чертѣ польскаго характера, какъ подумалъ бы вѣроятно нашъ простой народъ и какъ не прочь сознаться иной разсудительный полякъ. Что эта оскорбительная для польскаго національнаго характера мысль существуетъ и между самими поляками, въ доказательство тому приведу слѣдующія строки, написанныя однимъ изъ нихъ о настоящемъ возстаніи: «Наша обязанность, была, говоритъ онъ (послѣ льготъ данныхъ царству Польскому), поддерживать правительство всѣми нашими силами, чтобы не принудить его раздавить насъ. Такимъ образомъ, мы могли бы сложиться въ народъ (nous former en nation), дать созрѣть нашимъ мыслямъ, выучиться подчинять наши чувства условіямъ разсудка, и ожидать, приготовленные этимъ всего отъ силы вещей: никогда не забывая, что мы поляки, и что нашъ долгъ оставаться таковыми. Увы! Мы ничего не забыли и ничему также не научились. Я вижу это не съ

нынѣшняго дня, и потому легко было предвидѣть, два года тому назадъ, событія, теперь совершающіяся. Всякій разъ, когда передъ нами будутъ открыты два пути, одинъ путь—разсудка и терпѣнія, другой—безумія, когда мы будемъ бросаться стремглавъ на этотъ послѣдній путь» (*)

Но нѣтъ, я не раздѣляю этого мнѣнія, и думаю, что вѣрнѣе признать тутъ не какую нибудь врожденную черту характера, а дѣйствіе той исторической силы, которая поставила всѣ начала польской жизни въ такой непримиримый эптагонизмъ съ народными стихіями Россіи. Сама Россія очевидно не имѣетъ никакой народной антипатіи къ полякамъ; она не желала бы ничего лучшаго, какъ оставить ихъ въ покоѣ въ ихъ землѣ; въ случаѣ, если бы возможна была мирная политическая сдѣлка, не она стала бы вызывать польскую націю на бой. Но есть на свѣтѣ нѣчто такое, что вызываетъ враждебныя страсти независимо отъ всякой прямой обиды. Это растущая сила новаго организма, входящаго въ міръ. Нечего намъ ласкать себя надеждою, что мы, какими бы то ни было уступками, какими бы то ни было подвигами великодушія, укротимъ враждебное противъ насъ настроеніе Польши. Ибо ненависть поляковъ къ Россіи проистекаетъ не только изъ того или другаго нашего дѣйствія, самое существованіе Россіи въ Европѣ для нихъ соблазнъ и оскорбленіе. Желаніе выбросить Россію за Уралъ—не пустая похвальба; въ этомъ высказывается внутреннее чувство, что Россія для нихъ лишняя; Россія разрушаетъ, простымъ фактомъ своего бытія, все, что было бы ихъ призваніемъ въ мірѣ,—призваніе просвѣтителей и владыкъ всего славянства.

(*) Заимствую эти строки изъ любопытства, но, къ сожалѣнію, оставшагося до сихъ поръ не напечатаннымъ, письмо одного поляка изъ Варшавы, по поводу и отчасти въ опроверженіе статьи, помѣщенной мною въ этой газетѣ подъ заглавіемъ: «За что боются Русскіе съ Поляками».

Съ какой бы стороны ни разсматривали мы польскій вопросъ, мы видимъ очевидную невозможность сдѣлки, которою Россія могла бы развязаться съ поляками. Въ другой статьѣ (*) я разсуждалъ объ этомъ предметѣ съ точки зрѣнія нашихъ западныхъ губерній и старался показать, что присутствіе польской аристократической стихіи въ западномъ краѣ и проистекающія отсюда притязанія поляковъ на Литву и Украйну, не дозволяютъ намъ ни мирно разстаться съ Польшею, ни поставить себя въ нормальное положеніе къ полякамъ. Здѣсь я разсматриваю дѣло непосредственно въ отношеніи къ самой Польшѣ, къ такъ называемому царству Польскому, и прихожу къ тому же выводу. Мы должны сказать себѣ откровенно, что между русскимъ и польскимъ началомъ не можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, искусственной сдѣлки. Мы должны сказать себѣ, что борьба составляетъ тутъ для насъ историческую, неизбѣжную необходимость, точно такъ же, какъ это говорятъ себѣ поляки и бросаются въ нее, какъ безумные, при первой открывающейся имъ возможности. Это будетъ съ нашей стороны и разумнѣе и честнѣе, чѣмъ льстить себя обманчивыми надеждами на мирную сдѣлку, и потомъ вдругъ подвергаться такому разочарованью, такой горькой необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ, какъ это случилось съ нами теперь. Мы принуждены владѣть царствомъ Польскимъ и, въ то же время, нельзя предвидѣть возможности примирить поляковъ съ нашею властію. Уступками этого достигнуть нельзя; а строгостью и карами власть не примиряетъ съ собою народа. Что же тутъ дѣлать?

III.

Мы призваны въ Польшѣ къ борьбѣ, я сказалъ и повторяю опять. Но какая это борьба? Неужели она должна состоять въ насиліи противъ лицъ, коль скоро эти лица не станутъ сами прибѣгать противъ насъ къ средствамъ на-

(*) «Въ чемъ искать разрѣшенія Польскому вопросу», Русск. Инв. 1863 г. № 166.

силія? Неужели наша борьба въ Польшѣ должна заключаться въ подавленіи страны? Это была бы не борьба, а тиранія. Это было бы позоромъ для Россіи. Борьба истекаетъ изъ требованій историческаго развитія, а тиранія имѣетъ единственною цѣлью—остановить историческое развитіе.

Историческое развитіе польской націи нѣкогда распространило ея владычество въ русскихъ земляхъ и водворило въ нихъ аристократическіе элементы, образовавшіеся въ польской жизни. Историческое развитіе русскаго народа раздѣлываетъ теперь прежнее дѣло Польши въ русскихъ земляхъ; оно распространило владычество Россіи и на коренную польскую землю.

Историческая жизнь Польши оказалась несостоятельною: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы присутствуемъ теперь не при возрожденіи исторической жизни Польши, а при разложеніи ея стараго организма.

Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ внутреннее разложеніе и паденіе явилось бы въ такой страшной, осязательной наготѣ, какъ въ старой Польшѣ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что тутъ разлагался и падалъ не цѣльный народъ,—народы не такъ легко умираютъ,—а классъ людей, поглотившій въ себя всю историческую жизнь польскаго народа, сосредоточившій въ себѣ все польское государство. Множество примѣровъ доказываютъ, что чѣмъ уже и исключительнѣе та общественная среда, въ которой заключается историческая дѣятельность государства, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ его исторической жизни, тѣмъ быстрѣе оно возрастаетъ и доходитъ до своего апогея и тѣмъ скорѣе полное развитіе силъ смѣняется упадкомъ и разложеніемъ.

Такимъ образомъ, и государство польское, возникшее въ одно и то же время съ Россіей, успѣло совершить полный кругъ своего развитія, когда Россія едва кончила періодъ своего сложенія, и умерло своею смертію въ исходѣ XVIII вѣка. Что бы ни говорили о насильственности раздѣловъ,

объ этомъ assassinat d'une nation, несомнѣнно то, что польское государство отжило свой вѣкъ, и что его могли разнять на куски именно потому, что это былъ трупъ, а не живой организмъ. Если бы какими нибудь судьбами удалось возстановить Польшу какъ государство, то развѣ она въ состояніи была бы развиваться? Польская нація, на сколько она дѣйствовала въ исторіи и выражалась въ государственной жизни Польши, т. е. польское шляхетское общество или, такъ называемое, *обывательство*, заключавшее въ себѣ весь государственный организмъ Польши, — польская нація имѣла въ славянскомъ мірѣ весьма опредѣленное значеніе, весьма опредѣленный путь развитія. Это было общество и государство, по преимуществу представлявшее собою, въ славянскомъ мірѣ, западно-европейскій католицизмъ и западно-европейское рыцарство. Идеи эти составляли духъ польскаго государства, оно ихъ воплощало въ себѣ: онѣ имѣли свою блестящую эпоху въ Польшѣ XVI вѣка, и польское общество и государство тогда разцвѣло; и мало по малу обличились онѣ въ своей односторонности, и наконецъ дошли ad absurdum въ явленіяхъ XVIII вѣка, въ іезуитизмѣ и шляхетскомъ правѣ liberum veto. По мѣрѣ паденія этихъ идей, разлагалось польское общество и государство: вслѣдствіе такого разложенія, государство погибло; но общество оставалось. Смерть государства не могла быть смертію для такой массы людей, какая составляла польское *обывательство*. Смерть государства не могла также убить тѣ начала, тѣ идеи, какія въ немъ воплощались, хотя она и свидѣтельствовала явнымъ образомъ объ ихъ несостоятельности. Но массы людей бываютъ глухи къ отвлеченному свидѣтельству исторіи, и въ нихъ упрямо держатся, выработанныя прежнею жизнію, понятія и стремленія, особенно когда эти понятія и стремленія являются въ видѣ несомнѣнной вѣры въ истину и сопряжены съ надеждами на возвратъ прежняго господства и величія. Смерть польскаго государства даже какъ бы оживила духъ старой Польши. Это

совершенно въ порядкѣ вещей; это одинъ изъ признаковъ благородства природы человѣческой. Когда общее дѣло было проиграно, оно стало находить въ отдѣльныхъ личностяхъ служителей, посвящавшихъ себя ему со всею энергіею и самозабвеніемъ, къ какимъ бываетъ способенъ человѣкъ, жертвующій собою за безнадежное, но горячо любимое предпріятіе. Такъ бывало при всякомъ погибавшемъ государствѣ, во всякомъ осужденномъ исторіею общественномъ организмѣ. Польское же государство въ особенности могло выставить громадную массу такихъ личностей, вслѣдствіе непомѣрнаго развитія въ немъ класса людей съ воинственными и рыцарскими наклонностями, класса, заключавшаго въ себѣ всю дѣятельную силу этого государства, и вдругъ, съ его паденіемъ, терявшаго и вольность, которою онъ такъ гордился, и безчисленныя выгоды, какія доставляло ему исключительное пользованіе вольностью.

И вотъ, мы видимъ духъ старой Польши, переживающимъ паденіе стараго Польскаго государства въ шляхетскомъ классѣ польскаго народа. Мы видимъ его, какъ онъ борется съ силой исторіи, вѣчно ею разочаруемый и никогда не теряющій надежды. Духъ старой Польши принимаетъ, какъ я замѣтилъ выше, характеръ религіознаго убѣжденія. Политическая мысль о возстановленіи старой Польши возводится на степень вѣры въ чудесное ея воскресеніе. Этотъ духъ старой Польши, сдѣлавшійся вѣрою въ ея воскресенье, ведетъ поляковъ въ южную оконечность Европы, служить деспотизму иностраннаго завоевателя противъ народа, защищающаго свою свободу; онъ ведетъ ихъ на безпримѣрный подвигъ безполезнаго героизма,—когда они штурмуютъ уланскою конницею, во славу французскаго императора, укрѣпленныя испанскими пушками высоты Сомо-Сіерры. И ожиданное поляками исторпческое чудо, — одну минуту, казалось назначеннымъ къ осуществленію. Это было весною 1812 года. Вѣчнымъ памятникомъ тогдашнихъ на-

деждъ польскихъ останется *панъ Тадеушъ*. Какъ воспѣта Мицкевичемъ весна 1812 года! Надежды этой весны разбиты; но вы чувствуете, что вѣра не исчезла, и нѣтъ въ поэтѣ разочарованія и скорби надъ разбитыми надеждами своей націи, есть только воспоминаніе тогдашняго восторга: «О весна! кто тебя видѣлъ въ то время въ нашей странѣ, памятная весна войны, весна урожая! О весна, кто тебя видѣлъ, какъ ты была цвѣтуща хлѣбомъ и травами и блестяща людьми, обильная событіями, чреватая надеждами. Я тебя вижу до нынѣ, прекрасное сповидѣніе! Рожденный въ неволѣ, повитый въ оковахъ, я только одну такую весну имѣлъ въ жизни!» — Но весна 1812 года смѣнилась осенью 1812 года, пѣснь восторженной надежды въ полякахъ смѣнилась русскою пѣснью одержаннаго торжества. Пришлось полякамъ мириться съ дѣйствительностью, которую, впрочемъ, императоръ Александръ I сдѣлалъ для нихъ такою, что она, послѣ всего случившагося въ 1812 году, могла казаться имъ осуществленною мечтою. Но вѣра въ воскресеніе старой Польши не могла мириться ни съ какою дѣйствительностью, даже съ тою, въ которой самые дорогіе интересы русскаго народа жертвовались польскимъ идеямъ. Духъ старой Польши проявился вновь въ возстаніи 1830 года; ему повинуются поляки, когда они въ 1849 году избираютъ знамя мадьяръ противъ славянскихъ народовъ, ему повинуются они и въ настоящее время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, весь этотъ періодъ посмертнаго, такъ сказать, существованія старой Польши, въ верхнихъ слояхъ польской націи, ознаменованъ постепеннымъ внутреннимъ паденіемъ; это есть посмертное разложеніе старыхъ польскихъ идей, послѣ матеріальнаго разложенія старой Польши. Сравните плеяду польскихъ патріотовъ начала нынѣшняго столѣтія съ теперешними ихъ преемниками: тѣ же мысли ихъ одушевляютъ, цѣль осталась таже, но какое нравственное паденіе! Не присутствуемъ ли мы, при пол-

номъ внутреннемъ разложеніи всего того, что составляло жизнь старой Польши, при полномъ нравственномъ разложеніи стараго польскаго католицизма, проповѣдывающаго теперь обманъ и убійство, при окончательномъ извращеніи всѣхъ рыцарскихъ понятій стараго, когда-то во многомъ столь благороднаго, польскаго шляхетства, теперь впавшаго до послѣдней глубины человѣческой фальши?

Знаменитый Лелевель, еще въ 1820 году, написалъ историческую параллель Польши съ Испаніей и этимъ сравненіемъ выказалъ, мнѣ кажется, глубокое пониманіе обѣихъ странъ. Дѣйствительно, онѣ не только обнаруживаютъ замѣчательное сходство и почти одновременность въ своемъ возвышеніи, процвѣтаніи и паденіи, но и жили одними и тѣми же идеями. Обѣ страны одинаково посвятили себя всѣмъ стремленіямъ католицизма; обѣ одинаково проникались духомъ рыцарства, и это рыцарство породило одинаковыя явленія. Какъ испанскій грандъ представляетъ подобіе старопольскаго магната, такъ и въ *хидалго*, оборванномъ и босоногомъ, но чувствующемъ себя ровнею гранду и какимъ-то высшимъ существомъ въ сравненіи съ прочимъ народомъ, и добродушно вѣрующемъ въ свое особливое призваніе быть благодѣтелемъ рода человѣческаго, узнаемъ мы роднаго брата польскому шляхтичу. Лойола и донъ-Кихотъ, это могли бы быть типы Польши, какъ и Испаніи: только въ Испаніи осталось довольно силы народнаго самосознанія, чтобы осмѣять донъ-Кихота, а Польша до сихъ поръ лишь умѣла окружать своего шляхтича ореоломъ поэзіи.

Испанія пала, утратила свои владѣнія, а все-таки продолжаетъ жить какъ отдѣльное, хотя второстепенное государство. Если бы Польша была въ такомъ же изолированномъ по природѣ положеніи, какъ Испанія, которая можетъ оставаться въ своихъ естественныхъ границахъ, никого не трогая, то такъ могло бы быть и съ Польшею. Но, кромѣ разницы между островнымъ положеніемъ Испаніи и среди-

жизнью положеніемъ Польши, есть еще другое, огромное различіе. Лойола и донъ-Кихотъ были родныя дѣти Испаніи; они не только родились отъ ея крови, но въ нихъ воплотился весь ея народный духъ. А въ Польшѣ іезуитъ и шляхтичъ—пасынки, занявшіе мѣсто родныхъ сыновей. Они поляки, но ведутъ свой родъ не отъ поляковъ; въ нихъ живетъ духъ чужой, задавившій, если не убившій окончательно, коренной народный духъ Польши, какъ славянской страны. Испанское государство можетъ продолжать существовать въ качествѣ самостоятельнаго организма среди Романской Европы, ибо этотъ организмъ выросъ и развился естественно на своей исторической почвѣ. Столь же естественно перерождается онъ теперь, послѣ своего распаденія, обновляясь подъ вліяніемъ новаго положенія Европы, приладживаясь къ условіямъ вѣка и слагаясь, вѣроятно, въ какую нибудь новую фармацію. Другое дѣло въ мірѣ славянскомъ. Тутъ организмъ, воплотившій въ себѣ духъ іезуитизма и рыцарства, не обновится подъ вліяніемъ вѣка, не приладится къ условіямъ новой, окружающей его жизни; изъ него не выйдетъ новой органической фармаціи. Это слишкомъ ясно доказываютъ всѣ стремленія польскаго общества, обращенныя безусловно къ возстановленію Польши 1772 года, не понимающія Россіи иначе, какъ понимали ее поляки при Самозванцахъ, и которыя знать не хотятъ ничего, что могло произойти съ того времени. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ организмомъ разложившимся и уже неспособнымъ къ новому развитію. Развитіе въ Польшѣ можетъ выйти только изъ совершенно новой стихіи. Если есть въ Польшѣ еще такая новая стихія низзки, то это, очевидно, простой народъ, не принимавшій никакого участія ни въ процвѣтаніи, ни въ паденіи старой Польши. Въ противномъ же случаѣ, ежели бы простой народъ польскій не представлялъ элементовъ для новой жизни, для новаго развитія въ Польшѣ, то пришлось бы отказаться отъ всякой

надежды на будущность польской націи и предвидѣть тогда, какъ неизбѣжный результатъ дальнѣйшаго хода исторіи — замѣну польскаго народа новымъ племенемъ, т. е. предвидѣть для цѣлой Польской земли то, что уже совершилось и совершается въ западной ея половинѣ, въ Силезіи, западной Пруссіи и большей части старой земли великопольской. Но если возможно избѣгнуть этого исхода и суждено простонародной средѣ дать новые ростки для обновленія Польши, то это будетъ именно только подъ властію Россіи и благодаря этой власти. Вотъ въ чемъ я вижу историческое требованіе, обусловливающее русскую власть въ Польшѣ, и причину, которая можетъ оправдать тамъ существованіе нашей власти не съ одной лишь точки зрѣнія безопасности и интересовъ Россіи, а по отношенію къ самой Польшѣ. Одна Россія въ силахъ охранить слабое еще въ своемъ самосознаніи, еще совершенно пассивное простонародье польское отъ безусловнаго господства старыхъ преданій и понятій, воплощенныхъ въ *обывательскомъ* классѣ. Дайте независимость Польшѣ, и все, что можетъ выйти новаго изъ среды простонародья, будетъ заглушено и никогда не проявится; изъ-подъ стараго, разлагающагося трупа никогда не взойдутъ новые ростки. Несостоятельная шляхта ничего не сдѣлаетъ, чтобы оживить простой народъ и сама истощится и погибнетъ, а безсознательное простонародье не устоитъ подъ наплывомъ нѣмецкой колонизаціи, движущейся впередъ со всею силою, придаваемою ей духовнымъ единствомъ образованнаго класса и рабочихъ сословій. Доказательства передъ глазами, и мы должны сказать безъ обиняковъ: безъ Россіи Польша никогда не обновится.

Поясню свою мысль. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ существуютъ собственно два народа: одинъ, жившій исторической жизнію, пріобрѣтшій огромныя владѣнія и потомъ потерявшій ихъ, народъ,—весь погруженный въ преданія

прошлаго и представляющій очевидные признаки разлагающагося организма. Другой народъ, отдѣляющійся отъ перваго не только общественнымъ, но и бытовымъ характеромъ, не знаетъ про бывшее величіе шляхетской республики; вся старая жизнь Польши прошла надъ нимъ, не коснувшись его духа, не внушивъ ему участія къ политической судьбѣ своего отечества, въ которомъ онъ ожилъ нѣсколько лишь тогда, когда оно перестало быть самостоятельнымъ государствомъ. Это не два отдѣльныхъ класса въ одномъ народѣ; нѣтъ, польскій крестьянинъ, пашущій землю, и полякъ, отрѣшившійся отъ простоты земледѣльческаго быта, принадлежатъ къ двумъ особымъ мірамъ, къ двумъ отдѣльнымъ политическимъ сферамъ. Всякій полякъ не крестьянинъ есть уже шляхтичъ въ душѣ, если не шляхтичъ по праву. Ремесленникъ, мастеровой, торговецъ (*), писарь, адвокатъ, чиновникъ, помѣщикъ, наконецъ священникъ, однимъ словомъ, всякій человѣкъ, стоящій за порогомъ простаго крестьянскаго быта, стоитъ уже, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кругу идей и притязаній, наслѣдованныхъ отъ прежней Рѣчи Посполитой; онъ *панъ* и титулуется *панемъ*; въ Польшѣ единственно крестьянинъ, *хлопъ*, не есть *панъ*, но тотъ же крестьянинъ, поступивъ въ лакеи или въ мастеровые, уже тѣмъ самымъ, что онъ пересталъ быть крестьяниномъ, получаетъ право на титулъ *пана*, переходитъ на ту сторону польской націи, зерно которой составляетъ шляхта. Нельзя терять изъ виду этого состоянія польскаго народа, нельзя судить о немъ потому, что мы находимъ въ Россіи. Мы справедливо скорбимъ о раздвоенности нашего общества съ народомъ. Но, жалуясь на это раздвоеніе, уясняя себѣ все болѣе и болѣе неисчислимый вредъ, отсюда проистекающій, мы чувствуемъ, что это у насъ болѣзнь, случайно привившаяся къ организму нашей страны, болѣзнь,

(*) Я не говорю, разумѣется, о евреяхъ, а имѣю въ виду собственно поляковъ.

отъ которой мы вылѣчимся. Въ Польшѣ эта раздвоенность такова, что она уже сдѣлалась, такъ сказать, существенною, органическою принадлежностью польской націи; она сроднилась съ польскими понятіями такъ, что полякъ ея уже не чувствуетъ, и не замѣчаетъ и она поражаетъ только иностранца, какъ нѣчто ненормальное. Полякъ толкуетъ о польскомъ *народѣ* со всею искренностью убѣжденія, что онъ ведетъ рѣчь о дѣйствительномъ *народѣ* польскомъ; а между тѣмъ, онъ разумѣетъ именно все то, что *не есть народъ* въ собственномъ смыслѣ слова, онъ разумѣетъ только совокупность личностей, выдѣлившихся изъ народной массы, совокупность мѣщанъ, шляхты, духовенства и всего прочаго, кромѣ крестьянскаго простонародья. Полякъ произноситъ слово *обыватель*, и вы, согласно прямому значенію этого слова, думаете, что онъ говоритъ о всякомъ вообще *жителѣ*, обитающемъ въ странѣ, а между тѣмъ, онъ разумѣетъ опять таки горожанина, духовнаго, шляхтича и всякаго другаго, за исключеніемъ крестьянскаго простонародья. Эти-то классы *обывателей* составляютъ единственную дѣйствующую въ Польшѣ стихію; въ нихъ исключительно сосредоточиваются тѣ начала, тѣ идеи, тѣ притязанія, которыя ставятъ насъ въ такое невыносимое и, повидимому, безвыходное положеніе въ царствѣ Польскомъ. Народная масса тутъ вовсе непричастна.

Легко подтвердить безчисленными свидѣтельствами изъ всей польской литературы эту совершенную отдѣльность польскаго общества или, правильнѣе сказать, *обывательства*, отъ крестьянской массы польскаго народа, этотъ особенный взглядъ, по которому понятіе о польскомъ *народѣ* сосредоточивается единственно въ совокупности личностей, не принадлежащихъ къ крестьянскому населенію. Легко прослѣдить въ исторіи Польши, какъ образовалось это раздвоеніе, какъ крестьянское населеніе съ теченіемъ времени устранялось все болѣе и болѣе отъ участія въ жизни и

судьбахъ Польскаго государства, и какъ государство это сдѣлалось исключительною принадлежностью шляхты и примыкающихъ къ ней классовъ, горожанъ и духовенства, или того, что въ польскомъ языкѣ стало называться *польскимъ народомъ*, *жителями* (обывателями) *края*. Такова несомнѣнная причина всегдашняго безучастія польскаго крестьянства къ патріотическимъ стремленіямъ *обывательства*, этимъ также объясняется, почему поляки, т. е. собственно польскіе *обыватели*, не понимаютъ и не могутъ понять той, для нашего взгляда столь простой, истины, что Польша есть земля, гдѣ народъ польскій, а не вся та страна, гдѣ они, обыватели, нѣкогда господствовали: ибо народъ для нихъ не въ народѣ, а въ однихъ *обывательскихъ* классахъ. Впрочемъ, я не стану входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій, потому что это заняло бы учителя слишкомъ много времени. Но укажу на одинъ фактъ изъ живой дѣйствительности, по которому люди, знакомые съ Польшею, вѣроятно согласятся съ справедливостью того, что сказано выше о раздвоенности между польскимъ крестьянствомъ и остальными классами польской націи. Мы знаемъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ міра, религіозная исключительность и нетерпимость въ отношеніи къ иновѣрцамъ несравненно сильнѣе въ простомъ сельскомъ народѣ, нежели въ городскихъ жителяхъ; мы знаемъ, что простой сельскій народъ равнымъ образомъ отличается отъ городскихъ классовъ большею любовью къ своему родному, что онъ менѣе охотно свыкается съ иностранцами, и если иностранцы приходятъ въ край завоевателями, то имъ гораздо легче пріучить къ своему владычеству городское населеніе, чѣмъ массы поселянъ. Въ самомъ дѣлѣ, сельскій народъ, по своему быту, по всей своей обстановкѣ, долженъ хранить крѣпче всѣ преданія вѣры, всѣ понятія и инстинкты народности. Естественно, что онъ, въ своихъ набожныхъ чувствахъ, смотритъ съ не-

пріязнію на иновѣрца; естественно, что онъ, въ своей крѣпкой привязанности ко всему родному, не можетъ быть равнодушенъ къ иностранному владычеству, тогда какъ, напротивъ того, въ городскомъ людѣ и вообще въ верхнихъ слояхъ общества открытъ широкій доступъ религіозному индиферентизму, и патріотическое настроеніе легче поддается соблазну личныхъ разсчетовъ и интересовъ собственности, выгодамъ мира и спокойнаго производства промысловъ и торговли. Все это явленія, проистекающія изъ природы вещей и подтверждаемыя исторіею всѣхъ вѣковъ и странъ. Въ Польшѣ наоборотъ: самымъ ярымъ фанатизмомъ противъ схизматиковъ, самою упорною ненавистью къ москалямъ, самымъ упорнымъ сопротивленіемъ иностранной власти отличается городской людъ и верхній слой общества; а въ сельскомъ народѣ русскіе не встрѣчаютъ ни такого отвращенія къ нимъ, какъ къ иновѣрцамъ и иностранцамъ, ни такихъ чувствъ негодованія противъ московскаго владычества. Отчего же это происходитъ? Отчего Польша должна составить исключеніе изъ общаго историческаго закона? Дѣло ясное и не подлежащее сомнѣнію. Сельскій народъ въ Польшѣ чуждъ тѣхъ преданій и понятій, выработанныхъ католицизмомъ и шляхетствомъ, которыя составляютъ историческое достояніе городскаго люда, ксендзовъ и шляхты, вообще всѣхъ *обывателей*, и которыя именно ставятъ поляковъ въ антагонизмъ съ Россіей. Не будь этого раздвоенія между сельскимъ народомъ и *обывательствомъ* въ Польшѣ, то какое религіозное и патріотическое одушевленіе должно бы было соотвѣтствовать въ народной массѣ тому, что представляютъ намъ городской людъ и верхніе классы общества въ Польшѣ! Въ народной массѣ былъ бы такой разгаръ фанатизма и ненависти къ нашему владычеству, противъ насъ должна бы была подняться такая буря, что мы не продержались бы въ Польшѣ и двухъ недѣль. Но мы тамъ держимся, и держимся

легко, когда только сами не нагоняемъ на себя страха: ибо буря противъ насъ бушуетъ лишь на поверхности, а масса спокойна, и къ намъ или равнодушна, или даже сочувственна, смотря по тому, какъ намъ угодно поступать съ нею.

Нельзя не замѣтить и того характеристическаго факта, что крайній предѣлъ фанатизма противъ москалей является въ ремесленникахъ, мастеровыхъ, фабричныхъ и вообще низшихъ классахъ городскаго населенія. Люди эти стоятъ, очевидно, по своему образованію, почти на одной ступени съ крестьянствомъ; многіе изъ нихъ, вѣроятно, родились и воспитались въ крестьянской средѣ, имѣютъ отцовъ и братьевъ между хлопами. Но въ то время, какъ ни одинъ хлопъ, сколько мы знаемъ, не жертвовалъ собою для *отчизны*, ей жертвуютъ собою помимутно ремесленники и мастеровые, съ радостью принимая отъ ксендза благословеніе на подвигъ — зарѣзать москаля и итти на висѣлицу во имя отечества. Мастеровые, ремесленники и фабричные, а не хлопы, составляютъ, какъ по всему видно, главный матеріалъ, которымъ располагаютъ шляхта и ксендзы, ведущіе противъ насъ войну, ихъ chair à canon. Вещь понятная. Хотя фабричные и ремесленники родные братья земледѣльцамъ, но разстояніе между ними огромное: они уже не хлопы, а напротивъ, отдѣлились отъ хлоповъ и получили право признавать себя *обывателями* и *панами*. Это новобранцы, прозелиты новаго для нихъ міра, міра историческихъ преданій и патріотическихъ стремленій старой шляхетской Рѣчи Посполитой. Кто же можетъ быть склоннѣе къ фанатизму и изступленію всякаго рода, чѣмъ подобные прозелиты?

Вотъ въ этомъ-то я и нахожу самую ужасную сторону положенія Польши, что масса, составляющая матеріальную основу и сущность, такъ сказать, націи, не имѣетъ и не можетъ найти себѣ никакого сознательнаго выраженія; что

каждая личность, коль скоро она выдѣлится изъ народной среды, уже не принадлежитъ ей, а иному, чуждому, живущему въ прошедшемъ міру. Вотъ почему только посторонняя сила можетъ вывести польскую народную массу изъ забытья и призвать ее къ участію въ общественной и политической дѣятельности. Въ польской же средѣ сельскій народъ никогда, положительно никогда, не получилъ бы самостоятельнаго голоса, никогда не вышелъ бы изъ пассивной роли. Въ другихъ странахъ, гдѣ высшіе аристократическіе классы также отчуждались отъ народа, народъ находитъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ сельскомъ духовенствѣ вѣрные органы и центры, около которыхъ можетъ группироваться пробуждающаяся въ немъ сознательная общественная дѣятельность: такъ въ нашемъ западномъ краѣ, такъ въ русской или восточной части Галиціи и разныхъ славянскихъ земляхъ Австріи и Турціи. Въ Польшѣ и этого нѣтъ. Подобно тому, какъ католическая церковь была однимъ изъ двухъ главныхъ факторовъ исторической жизни старой Польши (другимъ факторомъ была идея рыцарства), такъ точно и теперь католическій священникъ въ Польшѣ есть неизмѣнный собратъ шляхтича. Отношенія въ Польшѣ таковы, что крестьянская масса, предоставленная самой себѣ, не въ состояніи проникнуть въ общественную жизнь, въ историческую дѣятельность Польши. И только по безмолвнымъ фактамъ узнаемъ мы, что польская крестьянская масса сама по себѣ чужда общественнымъ идеямъ и стремленіямъ, выражаемымъ, во имя цѣлой польской націи, исключительно *обывательскими* классами, чужда *обывательскому* патріотизму и ненависти къ Москвѣ, *обывательскимъ* притязаніямъ на возстановленіе старой Польши. Если бы кто не довѣрялъ еще примѣру царства Польскаго, то пусть онъ взглянетъ на западную Галицію, населенную чистымъ польскимъ племенемъ. Положимъ, что тамъ возстаніе простаго народа противъ пановъ въ 1846 году можетъ быть объяснено влія-

нѣмъ существовавшаго тогда въ Галиціи крѣпостнаго права и подстрекательствами австрійскихъ властей. Но съ 1848 года крѣпостное право уничтожено. Что же мы видимъ въ настоящее время? Галиційскіе паны и шляхта съ горожанами собираютъ экспедиціи на помощь возставшимъ въ царствѣ Польскомъ. Экспедиціи эти направляются противъ русскихъ; ихъ цѣль—возстановленіе старой Польши. Казалось бы, эти экспедиціи ничѣмъ не нарушаютъ интересовъ польскаго простонародья въ Галиціи; напротивъ, оно, если бы и не хотѣло рисковать дѣятельнымъ въ нихъ участіемъ, то, по крайней мѣрѣ, должно бы было, повидимому, желать имъ успѣха; вѣдь это простонародье—все же люди польскаго племени и языка, а дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, польское дѣло. Между тѣмъ, мы знаемъ изъ газетъ, какъ усердно польскіе крестьяне въ Галиціи противодѣйствуютъ экспедиціямъ, идущимъ избавлять Польшу отъ «московскаго нашествія». Поминутно они задерживаютъ повстанцевъ и выдаютъ ихъ австрійскимъ властямъ, заставляя эти послѣднія оказывать такимъ образомъ Россіи большее содѣйствіе, нежели онѣ, быть можетъ, того хотѣли бы сами. Мало того, въ концѣ минувшаго лѣта, крестьяне польскихъ деревень подъ самымъ Краковомъ, т. е. въ самомъ сердцѣ старой Польши, вдругъ поднялись и устроили настоящую травлю на повстанцевъ: вслѣдствіе чего и не удалась въ то время какая-то экспедиція, сбиравшаяся перейти нашу границу въ окрестностяхъ Кракова, а въ свою очередь, крестьяне этихъ деревень, отправившись на другой день въ Краковъ на рынокъ, подверглись тамъ побоямъ со стороны горожанъ, сочувствующихъ, какъ слѣдуетъ, возстанію. Этотъ фактъ былъ описанъ, съ горькими нареканіями на крестьянъ, въ газетахъ, самыхъ преданныхъ польскому дѣлу. Наконецъ, изъ газетъ извѣстно также, что въ западной Галиціи, вслѣдствіе движенія тамошней шляхты противъ Россіи, проявились въ средѣ польскаго крестьянства симптомы расположенія, угро-

жавшаго жизни и безопасности шляхетскаго сословія, такъ что австрійское правительство должно было принять противъ этого предупредительныя полицейскія мѣры. Конечно, нельзя предполагать въ польскомъ простонародьѣ Галиціи какое нибудь желаніе сдѣлать пользу Россіи. За то, тѣмъ болѣе ярко рисуется въ этихъ фактахъ не только несочувствіе, но положительная антипатія польскаго простонародья къ одушевляющей все польское *обывательство* идеѣ возстановленія стараго польскаго государства. Подобное фактическое свидѣтельство полнаго раздвоенія между польскимъ простонародьемъ и *обывательскими* классами кажется убѣдительнѣе всякихъ доводовъ.

IV.

При такихъ отношеніяхъ между польскимъ простонародьемъ и обывательскими классами, наша власть въ царствѣ Польскомъ едва ли можетъ считаться случайностью или простымъ грубымъ фактомъ матеріальной побѣды, одержанной однимъ племенемъ надъ другимъ. Кажется, что наша власть въ Польшѣ имѣетъ свое непосредственное историческое призваніе въ отношеніи къ развитію самой польской жизни. Пособить польскому крестьянству, вывести его изъ апатіи, дать ему голосъ въ странѣ, вотъ, повидимому, прямая задача наша въ царствѣ Польскомъ. Я думаю, что мы должны смотрѣть на крестьянскій вопросъ въ Польшѣ не только съ эгоистической точки зрѣнія нашихъ собственныхъ, русскихъ интересовъ, не только какъ на средство пріобрѣсти въ Польшѣ точку опоры противъ партіи противниковъ; мы должны видѣть въ немъ и историческую задачу Россіи въ отношеніи къ самой Польшѣ, къ интересамъ ея будущности, къ ея собственнымъ пользамъ. Если правда, что старый историческій организмъ Польши съ его шляхетскими идеями и стремленіями сдѣлался несостоятельнымъ и находится въ разложеніи (а въ этомъ, ка-

жется, нѣтъ никакого сомнѣнія); если правда, что безсознательная масса польскаго крестьянства не въ силахъ, сама по себѣ, высвободиться изъ подъ вліянія этого разлагающагося организма для обновленія польской жизни (а и это кажется, вѣрнымъ),—то въ такомъ случаѣ исторія привела насъ въ Польшу не даромъ. Русская власть можетъ сдѣлать для польскаго крестьянства то, чего никогда не сдѣлало бы польское *обывательство* и чего польское крестьянство никогда не достигло бы само по себѣ. Я вовсе не обвиняю польскихъ помѣщиковъ въ эгоистическомъ желаніи мѣшать улучшенію участи зависящихъ отъ нихъ крестьянъ; напротивъ, я знаю, что есть въ числѣ ихъ люди, одушевленные самымъ искреннимъ сожалѣніемъ объ исторической неправдѣ Польши къ ея крестьянству, самымъ пламеннымъ желаніемъ загладить эту вину. Но все, что поляки могли бы сдѣлать въ этомъ смыслѣ, дѣлалось бы въ духѣ стараго польскаго шляхетства, по направленію, указанному знаменитою конституціею 3 мая, которая не даромъ признается поляками прототипомъ ихъ либерализма къ простому народу. Конституція 3 мая, какъ извѣстно, хотѣла искупить грѣхи старой Польши относительно народа—открытіемъ широкаго доступа низшимъ классамъ въ шляхетское сословіе, постепеннымъ *ушляхетненіемъ* всего польскаго народа. Иначе быть не можетъ съ той точки зрѣнія, которая въ польскомъ шляхетствѣ полагаетъ идеалъ совершенства и высшую цѣль своего народа; и это стремленіе ввести простой народъ въ шляхетскую сферу проглядываетъ, со времени неудавшейся конституціи 3-го мая 1791 года, во всѣхъ идеяхъ польскихъ либераловъ относительно будущей роли простаго польскаго народа, даже въ самомъ крайнемъ представителѣ польскихъ демагоговъ, въ Мѣрославскомъ (*). Но, признавая даже такія стремленія въ

(*) Вотъ подлинныя его слова изъ печатнаго его сочиненія: «Уничтожьте мысленно невѣжество и нищету земледѣльческихъ

извѣстныхъ личностяхъ вполнѣ безкорыстными и отдавая въ этомъ случаѣ справедливость ихъ благородству, мы должны сказать, что они окончательно убили бы будущность польскаго народа: это разрушило бы всякую самобытность въ польскомъ крестьянствѣ, уничтожило бы въ Польшѣ возможные зародыши новой исторической жизни. Шляхетская стихія почерпнула бы, конечно, новыя силы, поглотивъ въ себѣ массу крестьянъ, но такимъ образомъ продолжалась бы только агонія стараго разлагающагося организма. Для обновленія нужно не то, чтобы крестьянство вступало въ общественную сферу *обывательскихъ* классовъ, а напротивъ, чтобы крестьянство могло получить самостоятельное развитіе, самостоятельное вліяніе на польскую жизнь. Вотъ почему мы въ правѣ привѣтствовать съ особенною радостью предположеніе объ устраненіи всѣхъ теперешнихъ *войтовъ гминъ* (сельскихъ старшинъ), которые, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежатъ къ шляхетскому сословію, и о замѣнѣ ихъ выборными отъ крестьянъ старшинами. Но этого мало. При теперешнемъ состояніи польской жизни, всякая личность, выдѣляющаяся изъ среды крестьянства, подчиняется тотчасъ, какъ я уже замѣтилъ выше, духу шляхетства, мѣтитъ въ *обыватели*, и такимъ образомъ не было бы ничего удивительнаго, если бы новые войты гминъ, хотя выбранные крестьянами изъ ихъ собственной среды, черезъ

массъ, и онѣ безъ потрясенія и безъ удивленія сольются съ рыцарскимъ сословіемъ (avec l'ordre équestre, т. е. со шляхтою; тогда обѣ составныя части польскаго общества приведутся къ одной.....По мѣрѣ того какъ уменьшаться будетъ невѣжество и нищета земледѣльческихъ массъ, кругъ рыцарскаго сословія будетъ расширяться» и проч. и проч. (De la natonalité polonaise dans l'équilibre européen, par le général Louis Mieraslauski, Paris 1856, стр. 374, 375). Вся книга написана въ этомъ смыслѣ; вездѣ шляхетское сословіе ставится идеаломъ демократіи и зерномъ будущей *демократической* Польши.

нѣсколько времени явились съ характеромъ и стремленіями настоящихъ *обывателей*. Равнымъ образомъ, матеріальное обезпеченіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землею, составляющее, разумѣется, первое и необходимѣйшее дѣйствіе русской власти въ царствѣ Польскомъ, conditio sine qua non какого бы то ни было обновленія въ польской жизни,—одно, само по себѣ, еще недостаточно. Необходимо, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ упрочена была и внутренняя крѣпость крестьянскаго быта, чтобы предупрежденъ былъ для отдѣльныхъ личностей соблазнъ перехода въ сферу *обывательства*. Для этого представляется только одно средство: поставить крестьянскія *общины* въ Польшѣ на такую высоту, дать имъ такую самостоятельность и такія права, чтобы каждый членъ крестьянской общины дорожилъ тѣмъ, что онъ принадлежитъ ей, чтобы не выгодно было оставлять общину для изолированнаго положенія городскаго пролетарія, хотя бы съ нимъ и соединялся титулъ *пана и обывателя*. Разумѣется, объ экономической общинѣ въ Польшѣ и думать нечего; но есть, кажется, всѣ задатки для общины административной и политической. Не такъ еще давно, многіе писатели твердили у насъ, что и экономическая община создана въ Россіи правительственною властію. Теперь приходится желать, чтобы правительственная власть создала общину въ Польшѣ. Конечно, лучше бы было, если бы это могло совершиться само собою, внутреннимъ развитіемъ жизни, а не правительственною властію. Но что дѣлать, когда польская жизнь, сама по себѣ, не только не въ состояніи создать крестьянскую общину, а напротивъ, можетъ лишь разрушать, все болѣе и болѣе, существующіе еще въ странѣ зачатки ея. При такомъ положеніи, нужно вмѣшательство посторонней силы, и эту-то постороннюю силу составляетъ въ Польшѣ русская правительственная власть. Ея призваніе въ Польшѣ, по моему мнѣнію,—поднять крестьянство, дать ему независимость матеріальную надѣленіемъ

землею не только хозяевъ, но всѣхъ безъ исключенія земледѣльцевъ (батраковъ и т. д.) и открыть крестьянству самостоятельное участіе въ общественной жизни страны посредствомъ крѣпкой организаціи крестьянскихъ общинъ.

Главная трудность, въ этомъ отношеніи, будетъ состоять, конечно, не столько въ постановленіи законодательствомъ того, что нужно для такого дѣла, сколько въ исполненіи его на мѣстѣ, во всѣхъ селахъ и деревняхъ царства Польскаго. Надежныхъ исполнителей въ польскомъ чиновничествѣ мы, очевидно, не найдемъ: все оно принадлежитъ къ шляхетскому классу и смотрѣло бы на дѣло именно съ той точки зрѣнія, съ который мы обязаны сдвинуть Польшу; а нѣкоторые могли бы даже преднамѣренно вредить нашимъ мѣрамъ и искажать ихъ въ исполненіи. По видимому, не осталось бы другаго средства, какъ обратиться къ повѣрочнымъ коммисіямъ, дѣйствующимъ въ западныхъ губерніяхъ и направить лучшія изъ нихъ въ царство Польское, коль скоро онѣ исполнятъ свое порученіе въ предѣлахъ Россіи.

Но уничтожимъ ли мы тѣмъ, что можетъ быть сдѣлано для польскаго крестьянства, противодѣйствіе польской шляхты, горожанъ, духовенства, нашему владычеству? Разрѣшимъ ли мы то, что называется польскимъ вопросомъ? Нисколько. Если польскимъ вопросомъ называется антагонизмъ противъ Россіи высшихъ слоевъ польской націи или польскаго *обывательства*, польской интеллигенціи, то этотъ вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ: ибо онъ истекаетъ изъ принциповъ непримиримыхъ, изъ требованій, которыя никогда не будутъ удовлетворены. Этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ; но время его упразднитъ и отъ насъ собственно зависитъ, чтобы это сталось скоро или не скоро. Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда, съ одной стороны, польская народность утратитъ

господство, не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью русскою и литовскою въ нашемъ западномъ краѣ, и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ царствѣ Польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго *обывательства*.

А до тѣхъ поръ, это намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія. Серьезнаго, дѣйствительнаго примиренія съ польскимъ *обывательствомъ*, пока оно не утратитъ надеждъ на возвращеніе западно-русскихъ земель и пока не переродится подъ вліяніемъ крестьянскихъ общинъ, быть не можетъ. Но и въ отношеніи къ *обывательству* мы можемъ сдѣлать одно великое дѣло. Я говорю о просвѣщеніи. Какъ мы погрѣшили передъ польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись 30-ти-лѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать для него то, что приходится дѣлать теперь, среди неустройства и борьбы, такъ точно погрѣшили мы и передъ всѣми прочими классами польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ, мы думали, что полякъ мало образованный есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ просвѣщенный полякъ. Давно ли возстановленъ въ Варшавѣ университетъ? А сколько времени въ самой столицѣ царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса? Давно ли считали нужнымъ замѣнять въ Польшѣ основательность классическаго образованія поверхностностью кое-какихъ реальныхъ и техническихъ свѣдѣній? Мы не понимали, что именно врагъ опасныхъ для насъ польскихъ идей и стремленій есть наука и просвѣщеніе, что эти идеи и стремленія, будучи основаны на религіозномъ фанатизмѣ и исторической неправдѣ или ошибкѣ, принуждены либо игнорировать выводы науки, либо искажать ихъ. Не даромъ замѣчательнѣйшій философъ польскій, Трентовскій, явился

вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ горькимъ обличителемъ бывшей Рѣчи Посполитой и ея отношеній къ русскому народу. Не даромъ людямъ, которые, какъ Лукашевичъ, вздумаютъ серьозно и съ ученымъ безпристрастіемъ разработывать какіе нибудь историческіе вопросы, касающіеся Польши, хотя бы вопросы эти относились къ XVI вѣку, приходится печатно защищаться предъ своими соотечественниками отъ самыхъ странныхъ обвиненій. И съ другой стороны, не даромъ тѣ, которымъ захочется подкрѣплять какими нибудь учеными доводами польскія притязанія, вынуждены питать явную фальшь, въ родѣ, напр., сочиненій извѣстнаго Дмухинскаго, гдѣ авторъ разсчитываетъ единственно на невѣжество публики. Впрочемъ, настоящія событія въ Польшѣ доказываютъ съ достаточною ясностью, что самые злые противники наши между поляками люди или полуобразованные, или вовсе невѣжественные. Съ полякомъ, основательно и серьозно образованнымъ, мы можемъ еще столковаться; полуобразованный или вовсе невѣжественный *обыватель* будетъ всегда игрушкою людей, которые захотятъ фанатизировать его религіозную и патріотическую ненависть къ москалямъ. Всякое правительство, коль скоро оно беретъ въ свои руки общественное образованіе, съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя обязательство содѣйствовать ему всѣми своими силами: это для него долгъ совѣсти передъ народомъ. Но въ Польшѣ это для насъ даже болѣе, чѣмъ долгъ совѣсти; наша прямая *политическая* задача, для нашей собственной пользы—развивать въ этой странѣ всѣми средствами серьозное, основательное научное образованіе. Прежняя система имѣла въ этомъ отношеніи, между прочими, очень важный, по моему мнѣнію, недостатокъ. Мы опасались скопленія юношей въ Варшавѣ и отправляли ихъ въ русскіе университеты; туда же обращали мы поляковъ, уроженцевъ западныхъ губерній, не дозволяя имъ ѣхать учиться въ Польшу. Конечно, при слабомъ управленіи и

при дурной полиціи значительное число молодежи въ столицѣ царства Польскаго можетъ подать поводъ къ непріятнымъ для насъ демонстраціямъ и т. под.; но, мнѣ кажется, что отъ насъ зависитъ предупреждать ихъ, и впрочемъ, всякія приключенія такого рода совершенные пустяки въ сравненіи съ положительнымъ вредомъ, происходящимъ отъ искусственнаго удаленія польской учащейся молодежи изъ центра страны. Пусть поляки отправляются добровольно слушать лекціи въ нашихъ университетахъ, чѣмъ больше будетъ такихъ охотниковъ, тѣмъ лучше. Но когда мы насильно заставляемъ поляка учиться въ Москвѣ или Петербургѣ, и мѣшаемъ ему ѣхать въ Варшаву, то мы тѣмъ самымъ внушаемъ ему недовѣріе къ преподаваемой у насъ наукѣ; онъ не можетъ не сказать себѣ: «должно быть, въ наукѣ, какъ ее преподаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, кроются какіе нибудь правительственные разсчеты: иначе зачѣмъ заставлять меня учиться непремѣнно тамъ, а не у себя дома?» Вотъ почему русское университетское преподаваніе получаетъ такъ мало вліянія на поляковъ, и оказывается вообще такъ мало способнымъ внушать имъ серьезную любовь къ наукѣ. Прибавимъ еще другую вредную сторону этой системы. Полякъ, уроженецъ Литвы или Украйны, желалъ бы ѣхать въ польскій университетъ; мы ему велимъ отправляться въ русскій. Неужели онъ отъ этого обрусѣетъ, неужели его польскій патріотизмъ ослабнетъ? Напротивъ: онъ является въ Москву или Петербургъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изгнанникомъ, а въ изгнаніи, какъ извѣстно, ростутъ мечты, которыя на родной почвѣ разбиваются о живую дѣйствительность. Замѣчаютъ, что лучшее средство излечить поляка изъ западныхъ губерній отъ мечтательныхъ идей о великой, идеальной Польшѣ—послать его въ малую дѣйствительную Польшу, т. е. въ царство Польское; а мы, вмѣсто того, отправляемъ его еще дальше отъ родной его почвы, въ русскую среду, гдѣ, окруженный

чужими, онъ долженъ еще болѣе сосредоточиться въ исключительности своихъ національныхъ идей.

Я говорилъ о тѣхъ двухъ предметахъ, которые составляютъ, какъ мнѣ кажется, существеннѣйшую задачу нашу въ царствѣ Польскомъ,—о необходимости доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ, какъ я сказалъ, неразрѣшимъ никакими политическими мѣрами, онъ можетъ быть лишь упраздненъ соціальными средствами, о которыхъ говорено выше. Однако въ заключеніе позволю себѣ сказать два слова и о политическихъ системахъ, какія мы могли бы принять въ царствѣ Польскомъ. У насъ иные защищаютъ принципъ автономіи царства, т. е. ту систему, которая въ разныхъ видоизмѣненіяхъ существовала съ 1815 года понынѣ. Другіе предпочли бы слить царство Польское съ Россіей, такъ чтобы оно обратилось просто въ нѣсколько русскихъ губерній. Обѣ эти системы имѣютъ, какъ мнѣ кажется, огромныя неудобства. Первая, т. е. система политической автономіи, 50-ти лѣтнимъ опытомъ доказала свою несостоятельность во всѣхъ возможныхъ формахъ и степеняхъ такой автономіи. Главное неудобство состоитъ, очевидно, въ томъ, что система эта постоянно поддерживаетъ и питаетъ въ польскомъ *обывательствѣ* мысль, что Польша продолжаетъ быть особымъ, самостоятельнымъ государствомъ, между тѣмъ какъ Россія не въ состояніи допустить осуществленія и малой части тѣхъ послѣдствій, которыя эта мысль имѣетъ въ понятіяхъ каждаго польскаго обывателя. Неудобство второй системы столь же несомнѣнно. Какъ можно налагать русскіе распорядки на край, вовсе не

русскій? Это совершенно противно духу русскаго народа, преданіямъ русской исторіи. Если бы русская административная система, русское судопроизводство и т. д. были идеаломъ совершенства, то, пожалуй, можно бы было подумать о такой мѣрѣ. Но мы признаемъ ихъ далекими отъ совершенства и для самой Россіи. Притомъ полное слитіе царства Польскаго съ Россіею,—и только одно это,—было бы дѣйствительнымъ противорѣчіемъ обязательству, которое Императоръ Александръ I, именемъ Россіи, добровольно вызвался принять, относительно Польши, на вѣнскомъ конгрессѣ. И та и другая система кажутся мнѣ неудовлетворительными.—Исторія даетъ намъ одинъ примѣръ, представляющій аналогію съ вопросомъ о политическомъ отношеніи Россіи къ царству Польскому. При Петрѣ I, Россія завоевала Остзейскій край. Пятьсотъ лѣтъ этотъ край находился въ постоянной борьбѣ съ русскими. Ненависть остзейскихъ бароновъ и бюргеровъ къ русскому имени, воспитанная этою борьбою и кровавыми преданіями временъ Грознаго, едва ли была слабѣе, чѣмъ вражда къ намъ польскаго обывательства. Остзейскіе бароны и бюргеры едва ли съ меньшимъ презрѣніемъ смотрѣли на варварскихъ московитовъ и, подобно польскимъ обывателямъ, могли считать себя, въ отношеніи къ Россіи, представителями высшаго просвѣщенія. Остзейскій край, такъ же какъ Польша, тянулъ къ западу и принадлежалъ къ міру чуждой для Россіи жизни общественной, чуждой ей цивилизаціи, къ міру, стремившемуся наложить свою власть на русскій востокъ. Что же сдѣлалъ Петръ, завоевавъ Остзейскій край? Онъ оставилъ неприкосновенными всѣ внутреннія особенности Остзейскаго края, его внутреннюю администрацію, его языкъ, его судебныя и религіозныя учрежденія, весь его особенный бытъ; но не далъ ему и тѣни политической автономіи. Съ тѣхъ поръ, Россія, въ дѣлахъ административныхъ, судебныхъ, религіозныхъ, знаетъ отдѣльный Остзейскій край, съ его полною

внутреннею самобытностію; въ смыслѣ политическомъ, она не знаетъ отдѣльнаго Остзейскаго царства, а знаетъ только губерніи Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую, одинаковыя для нея, въ этомъ отношеніи, съ какою нибудь Ярославскою или Воронежскою губерніями. Не стану здѣсь судить о соціальномъ положеніи Остзейскаго края,—это для насъ вопросъ посторонній. Говорю только о политической сторонѣ дѣла. Петръ разрѣшилъ единственнымъ разумнымъ и прочнымъ способомъ политическую задачу объ отношеніяхъ къ Россіи Остзейскаго края, — пріобрѣтенія, съ которымъ намъ, при тогдашнемъ нашемъ состояніи, было, я думаю, не много легче справиться, чѣмъ теперь съ царствомъ Польскимъ: ибо хотя Остзейскій край, безъ всякаго сомнѣнія, былъ внутренно гораздо слабѣе Польши и отношенія его къ Россіи были гораздо проще, однако, съ другой стороны, русское государство, въ началѣ XVIII вѣка, могло противопоставить ему несравненно меньше силъ, чѣмъ сколько нынѣшняя Россія въ состояніи противопоставить враждебнымъ стихіямъ въ Польшѣ. Но Остзейскій край, разъ присоединенный къ Россіи, уже не требовалъ отъ нея усилій, чтобы держать его. Сохраненіе всѣхъ его бытовыхъ и національныхъ особенностей, его историческихъ учрежденій, соблюденіе всѣхъ его преданій, заставило остзейцевъ забыть, что они народъ, подчиненный Россіей; а полное политическое соединеніе пріучило ихъ видѣть въ Россіи политическое свое отечество, которому они призваны служить. Разсчетъ геніальнаго человѣка оказался вѣрнымъ, и полутора-вѣковой опытъ свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Кажется, что такой примѣръ не долженъ пропасть даромъ; и какъ царство Польское, по своему положенію относительно Россіи, имѣетъ существенную аналогію съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ Остзейскій край вошелъ въ составъ

русской державы; какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая автономія царства Польскаго и сліяніе его съ Россіею представляются совершенно неудобными, — то система, указанная намъ Петромъ Великимъ въ Остзейскомъ краѣ, была бы, кажется, и въ настоящемъ случаѣ единственнымъ разумнымъ и вѣрнымъ путемъ для Россіи.

А. Гильфердингъ.

(Изъ №№ 254-го и 255-го «Русскаго Инвалида».)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Декабря 8-го дня 1863 года.

Въ Военной Типографіи.